
М. И. ЗВЕРЯКОВ,
профессор, доктор экономических наук,
член-корреспондент НАН Украины,
ректор Одесского национального экономического университета

ОБ ИЗМЕНЕНИИ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Рассмотрена политико-экономическая модель развития, сложившаяся в Украине. Проведен анализ ее базовых конструкций, приведших к ухудшению социально-экономической ситуации. Определены основные императивы, обеспечивающие переход к качественно иной модели экономического роста. Предложены новые подходы к организации финансовой, налоговой и денежно-кредитной политики как необходимого условия обеспечения перехода к качественно новому экономическому росту.

M. I. ZVERYAKOV,
Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Corresponding Member of the NAS of Ukraine,
Rector of the Odessa National Economic University

ON A CHANGE OF THE MODEL OF ECONOMIC DEVELOPMENT

The politico-economic model present in Ukraine now is considered. Its basic constructions that caused the deterioration of a socio-economic situation are analyzed. The main imperatives ensuring the transition to a qualitatively different model of economic growth are determined. Some new approaches to the organization of financial, tax, and monetary policies, being the necessary condition for the guaranteed transition to a qualitatively new economic growth, are proposed.

Та сложная, а порой катастрофическая ситуация, в которой оказалась наша страна, явилась результатом переплетения различных социально-экономических и политических кризисов. Они стали драматическим проявлением глубоких противоречий, возникших и накапливавшихся в экономике и социальной сфере на протяжении всей истории независимой Украины. Поэтому существующие специфические украинские проблемы в социально-политической и экономической жизни нуждаются в научном осмыслении и поиске способов их эффективного решения.

Игнорирование задачи по решению проблем, обусловленных природой системного трансформационного кризиса, возникшего еще в конце 1980-х годов, привело нашу страну в число неудачников среди государств Центральной и Восточной Европы, которым удалось успешно перейти от экономики, управляемой из центра, к рыночной. Но следует отметить, что перед Украиной стояли более сложные задачи, чем перед нашими восточноевропейскими соседями. Последние создавали новую экономическую систему и меняли государственные институты, а нам необходимо было построить новое государство с новой рыночной системой хозяйствования.

В силу сложившихся политических и экономических обстоятельств, у руля нового государства и рыночных преобразований оказались представители бывшей партийно-хозяйственной номенклатуры, спецслужб, бывшие комсомольские

Зверяков Михаил Иванович (Zveryakov Mikhail Ivanovich) – e-mail: rector@oneu.edu.ua.

активисты. Эти люди проводили реформы в интересах возникшего нового класса, представителями которого они и были.

За довольно короткий исторический отрезок времени сформировалось общество, в котором движущей силой выступили не носители и создатели высокотехнологичных знаний (работники науки и образования), не предприниматели, ассимилирующие эти знания в хозяйственной практике, а высокооплачиваемые чиновники, извлекающие административную ренту из тех властных полномочий, которыми они обладали. Итогом таких частных, локальных действий в пользу возникших отдельных административно-хозяйственных групп стало формирование *кланово-олигархического общества*, в котором борьба кланов за властные полномочия как условие управления имуществом и финансовыми потоками приобрела формы масштабных политических конфликтов. Элита оказалась расколота по базовым общественным ценностям и способам решения социально-экономических проблем. Борьба между различными частями элит превратилась в бескомпромиссную. Здесь напрашивается аналогия с борьбой различных политических групп в 1930-х годах советской эпохи. По этому поводу Н.И. Бухарин писал, что “в то время, когда одна партия у власти, другая в тюрьме”.

При этом главная проблема — задача создания экономики догоняющей модернизации — не только остается, но и еще больше осложняется усугублением ранее не решенных социально-экономических вопросов. Если сопоставить средние темпы прироста ВВП Украины и соседних стран (Польша, Румыния, Турция) за 2011–2014 гг., то у нас наблюдается двукратное отставание по данному показателю. Чтобы догнать своих соседей к 2030 г., Украине, по расчетам экспертов, следует демонстрировать темпы прироста ВВП в среднем на уровне 7% в год на протяжении всего периода. В нынешних социально-экономических условиях это маловероятно.

Помимо проблем, обусловленных *системным трансформационным кризисом* (кризисом структурно-технологической модели), в 2014 г. возник *кризис “внешних шоков”* (военные вызовы, энергетические проблемы, падение цен на экспортные сырьевые ресурсы). Это еще больше ухудшило социально-экономическое положение страны. При этом государство не может удовлетворить все притязания общества на обеспечение определенного объема социальных благ. Поэтому мы наблюдаем снижение государством своих обязательств перед гражданами волевым порядком, отказ выполнять целый ряд из них, вылившийся в отмену установленных льгот, некоторых видов пенсий, а в будущем — бесплатного полного среднего и высшего образования, повышение пенсионного возраста и т. п. Эти административные акты государства свидетельствуют о его слабости, невозможности продолжать обеспечивать социально-экономические потребности на сложившемся, более высоком уровне. Другими признаками слабости государства являются бюджетный и денежно-валютный кризисы, неэффективное управление объектами государственной собственности, рост инфляции и т. д. Внешними проявлениями завершения кризиса “внешнего шока” будут снижение инфляции и сбалансированность бюджета, а также приостановка девальвации национальной валюты. Следует отметить, что девальвация — это тоже своеобразный дефолт государства на рынке денег.

Понимание природы кризисов предполагает выработку различных рецептов действий правительства. Например, когда в экономике имеет место классический циклический кризис, подходят кейнсианские методы макроэкономического регулирования. При системном трансформационном или структурно-технологическом кризисе необходимо обеспечить рост инвестиций за счет повышения нормы сбережений и их трансформации в рост нормы накопления.

Совсем другие рецепты подойдут при кризисе “внешних шоков”. Здесь не обойтись без снижения расходов бюджета и государства как первостепенной меры в целях достижения макроэкономической сбалансированности. Но это лишь первая и самая простая задача. Намного сложнее наладить хозяйственный процесс таким образом, чтобы было выгодно заниматься наращиванием национального производства за счет модернизации его составных элементов. Для этого необходим ряд условий. Во-первых, политическая и экономическая устойчивость, которая позволяла бы бизнесу выстраивать долгосрочные стратегии. Во-вторых, отделение бизнеса от власти. В-третьих, высокая норма накопления, являющаяся условием устойчивого и динамического развития. В странах экономики догоняющей модернизации (Китае, Южной Корее, Тайване и т. д.), как известно, ежегодная норма накопления составляет в среднем 35–40%. В Украине динамика нормы накопления напрямую зависит от нормы сбережений, которая неуклонно снижается и по итогам 2013 г. упала до уровня 6% ВВП, то есть за 10 лет сократилась в 5 раз. Такая низкая норма сбережений свидетельствует о серьезных макроэкономических дисбалансах. Она не соответствует мировой средней норме сбережений (25%) и в 3–4 раза ниже данного показателя в странах Западной и Центральной Европы.

В связи с деиндустриализацией реального сектора экономики, особенно в обрабатывающих отраслях, страна потеряла сложные виды производств, обеспечивавших цепочки создания добавленной стоимости. Следствием таких потерь стали утрата целых отраслей сложного экспорта и стагнация реального сектора экономики. Падение промышленного производства происходит уже 11 кварталов подряд, начиная с III квартала 2012 г. Таковую же негативную динамику демонстрирует и украинский ВВП.

При поиске рецептов выхода Украины из кризиса следует учитывать, что каждый большой системный кризис приводит к *новой модели регулирования*. Необходимо также обратить внимание на тот факт, что мы не можем стимулировать макроэкономические процессы подобно тому, как это делают развитые страны, борясь с рецессией. Сейчас они обсуждают проблему, как не допустить дефляцию. У нас же принципиально иная ситуация – *стагфляция*, то есть падение производства и накладывающаяся на него инфляция. Поэтому макроэкономическое стимулирование совокупного спроса (кейнсианские методы) может привести к росту цен, а следовательно, к еще большему раскручиванию инфляции. Но это не означает, что государство не в состоянии создавать необходимые импульсы для экономического подъема.

Для изменения отрицательного вектора экономического развития необходимо устранить базисные конструкции сложившейся в Украине *политико-экономической модели*, которая основывалась на “освоении советского наследия”, а не на созидании новой цивилизованной архитектуры рыночной системы. Одна из таких базисных конструкций – *сращивание бизнеса и власти*. Такое сращивание на всех уровнях властной вертикали трансформировалось в своеобразный способ сохранения и приумножения бизнеса, превращения власти в выгодную форму бизнеса. Именно такое сращивание в больших масштабах и привело к формированию сверхкрупной собственности олигархов. Концентрация капитала в руках отдельных людей и, соответственно, высокий уровень монополизации экономики существенно ограничивают темпы роста последней.

Для оценки степени влияния олигархической власти на экономику разных стран был предложен показатель концентрации капитала в руках отдельных олигархов, выражающийся *количеством долларовых миллиардеров, приходящихся на 100 миллиардов ВВП*, рассчитанного по валютному курсу центрального банка каждой

из стран. Тогда, чем больше эта величина, тем выше концентрация в стране капитала в руках олигархов (табл.).

Количество долларовых миллиардеров в странах с самым высоким уровнем жизни, некоторых странах Западной и Центральной Европы, странах G7, БРИКС и Южной Кореи в 2012 г. *

Страна	Количество миллиардеров	ВВП (млрд. дол.)	Количество долларовых миллиардеров, приходящееся на 100 млрд. дол. ВВП
Украина.....	11	176,3	6,2
Россия.....	110	2029,8	5,4
Швеция.....	19	523,8	3,6
Швейцария.....	21	631,2	3,3
Чехия.....	6	196,4	3,1
Турция.....	24	789,3	3,0
Индия.....	56	1875,2	3,0
Бразилия.....	65	2254,1	2,9
США.....	442	16244,6	2,7
Германия.....	85	3426	2,5
Казахстан.....	5	203,5	2,5
Южная Корея.....	27	1129,6	2,4
Южная Африка....	8	417,8	1,9
Великобритания...	47	2471,6	1,9
Китай.....	152	8227,4	1,8
Норвегия.....	9	499,7	1,8
Канада.....	32	1821,4	1,8
Италия.....	35	2013,4	1,7
Франция.....	43	2611,2	1,6
Финляндия.....	4	247,5	1,6
Польша.....	7	489,9	1,4
Новая Зеландия....	2	167,3	1,2
Румыния.....	1	192,7	0,5
Япония.....	27	5960,2	0,5
Болгария.....	0	51	0,0
Венгрия.....	0	124,6	0,0
Словакия.....	0	91,30	0,0

* Приведено по [1, с. 70].

Данные таблицы свидетельствуют, что по уровню концентрации части национального богатства в руках олигархов Украина является мировым лидером. Иными словами, украинские олигархи сконцентрировали в своих руках самую большую часть национального капитала в мире. Они обладают самой высокой монопольной властью, которая порождает громадную коррупцию и огромный разрыв в доходах между сверхбогатыми и остальным населением и, как следствие, низкий темп роста ВВП в последние годы. Следовательно, по этому показателю Украина обогнала многие передовые страны мира. При этом в развитых странах суммарный объем налогов на доходы и недвижимость для сверхбогатых граждан составляет 40–50%, тогда как в Украине размер задекларированных доходов, с которых уплачиваются налоги, не превышает 6% от их общих доходов [1, с. 71]. Чтобы снизить количество

долларовых миллиардеров на 100 млрд. дол. ВВП с 6,2 до 1,4 (уровень Польши), существует два варианта решения проблемы. Необходимо либо обеспечить ежегодный темп роста ВВП на уровне 7% в течение 8 лет, при неизменном количестве долларовых миллиардеров, либо при слабом экономическом росте провести жесткую демонополизацию экономики с введением прогрессивной шкалы налогообложения доходов и собственности богатых и сверхбогатых людей, как это принято, например, в США или Западной Европе. Но для этого нужны кардинальные изменения экономического порядка в стране.

Другой базисной конструкцией сложившейся политико-экономической модели является массовый *отток капитала*, обескровливающий экономику. По экспертным оценкам, он составляет более 20 млрд. дол. в год. [2]. В оффшоры вывозятся не только прибыль, включая природную ренту, но и часть необходимого продукта, который предназначался для оплаты труда, а также ресурсы амортизационного фонда. Стать оффшорным бенефициаром, то есть вывести свой капитал из-под украинской юрисдикции, — мечта каждого олигарха.

Отсутствие собственных источников инвестирования, обусловленное оттоком капитала, ставит национальную экономику во внешнюю зависимость от мировой финансовой системы. Ей подчинена и неразвитая национальная банковская система. В 2014 г. украинские банки потеряли свыше 120 млрд. грн. депозитов, или почти 40% всех размещенных в банках вкладов. Также произошло существенное сокращение банковских активов. По итогам работы, в 2014 г. банковская система получила 53 млрд. грн. (3,3 млрд. дол.) убытков. Убытки функционирующих банков в I квартале 2015 г. составили 16,2 млрд. грн. В банках “Надра”, “Дельта Банк”, “Имэксбанк”, где введены временные администрации, совокупный убыток приблизился к 60 млрд. грн. Более трети банков испытывают трудности с возвратом депозитов. Отток вкладов в иностранной валюте, а также огромные валютные риски, возникшие в связи с выданными предприятиям валютными кредитами в размере порядка 40 млрд. дол., не только привели к росту убытков банков, но и поставили их на грань банкротства. За I квартал 2015 г. отчисления в резервы на случай возможных потерь от активных операций в 7,2 раза превысили их объемы в соответствующем периоде прошлого года. Отсутствие притока валюты, рост совокупного внешнего долга, необходимость формирования резервов под проблемные кредиты вынуждают власть прибегать к активной эмиссии гривни. Так, темпы роста эмиссии за 2011–2014 гг. составили 45,6%, а за последний 2014 г. — 16%.

Такое “количественное смягчение” может привести к ускорению инфляции и девальвации гривни, а самое страшное — к запуску механизма самосдерживающейся инфляции. В связи с ростом тарифов на коммунальные услуги в апреле 2015 г. инфляция составила 14%. Если эту тенденцию не приостановить, то ее годовой размер может достичь 61%. Почти аналогичный уровень инфляции был только в 1996 г. — 63%.

Таким образом, полное *расстройство банковской системы, обесценение национальной валюты и неконтролируемая инфляция* — существенные характеристики сложившейся политико-экономической модели.

В этой связи вспоминается эпиграф американского экономиста Г. Мэнкью, потомка украинских эмигрантов, к главе 6 “Инфляция” известного учебника “Макроэкономика”. Автор приводит следующие слова Дж.М. Кейнса: “Говорят, Ленин считал, что разложение системы денежного обращения — лучший способ уничтожения капиталистического строя... Ленин был, безусловно, прав. Нет более верного и действенного способа ниспровержения основ существующего об-

ственного устройства, нежели подрыв денежной системы. Этот процесс пробуждает все разрушительные силы, скрытые в экономических законах, а сама болезнь протекает так, что диагноз не может поставить ни один из многих миллионов человек” [3, с. 231]. Эти слова Кейнса, как никакие другие, правильно отражают ситуацию в денежно-кредитной сфере Украины.

Одним из признаков сложившейся политико-экономической модели является *недофинансирование экономического роста*. До кризиса 2007–2009 гг. экономический рост поддерживался ежегодным приростом на 13–15% доходной части госбюджета, ежегодным увеличением на 10–15% объемов кредитования предприятий реального сектора, в том числе за счет притока в страну иностранного капитала, а также повышением нормы накопления предприятий за счет увеличения их прибыльности.

В нынешних условиях источники финансирования экономического роста в стране практически иссякли. Хотя доходы бюджета номинально и увеличивались, но подавляющая его часть направлялась на социальные нужды, а не на поддержку экономического роста. Кредитование предприятий стало постепенно сокращаться из-за возросших ставок по кредитам, снижалась прибыльность от их хозяйственной деятельности и нарастала убыточность. Еще одним признаком сложившейся политико-экономической модели является прогрессирующее *устаревание основных фондов*, и прежде всего их активной части – машин и оборудования. Их износ превысил в базовых отраслях украинской экономики 75–85%. Существующий парк машин и оборудования с каждым годом требует все больше средств на свое обслуживание. Но главное – старые основные фонды обуславливают низкую производительность труда, высокую энерго- и материалоемкость, не позволяют производить новую, конкурентоспособную продукцию.

За годы независимости экономика спонтанно меняла свою структуру в пользу сырьевых отраслей, первичного производства полупродуктов и переработки материалов. Эти отрасли поглощали большую часть инвестиций, поскольку, например, продукция металлургии или сельского хозяйства (в частности, зерно) обладала высокой ликвидностью на внешних рынках. Так постепенно для Украины сформировалось свое собственное “сырьевое проклятье”. Несмотря на это, после обвала металлургического производства именно аграрный сектор объявлен властями приоритетной отраслью, локомотивом экономического роста [4]. В то же время отрасли государственного сектора, производящие готовую продукцию, высокотехнологичные и инновационные товары, в частности авиа- и ракетостроение, получали по “остаточному принципу” все меньшую долю инвестиций.

Однако преодолеть стагнацию и выйти на траекторию экономического роста невозможно без поиска и форсированного наращивания инвестиций. Понятно, что при существующей экономической политике изыскать источники инвестирования для масштабного технологического перевооружения отечественных предприятий нереально. Но уже сегодня можно осуществить ряд действий, которые смогли бы способствовать появлению инвестиционных ресурсов.

Во-первых, снизить налоговую нагрузку на предприятия, которая у нас в 2 раза выше, чем в развитых странах, одновременно введя прогрессивную шкалу налогообложения для физических лиц (в размере 40% доходов). Такие меры обеспечат рост доходов бюджета и будут соответствовать тенденциям Западной Европы и США.

Во-вторых, увеличить норму амортизационных отчислений, институционально обеспечив их целевое использование.

В-третьих, реализовать крупные инфраструктурные проекты со значительным мультипликационным эффектом, особенно те, в которых формируются нацио-

---

нальные цепочки создания добавленной стоимости. Для этого следует разработать механизмы проектного финансирования, тогда растущее денежное предложение не станет проинфляционным фактором.

Сегодня нашей стране необходимы национальные проекты энерго-, тепло- и газосбережения, а для этого нужны инвестиции. В первую очередь речь идет о целевых государственных внутренних займах, как это было в послевоенные годы в Европе и США. Таким образом, следует создать соответствующие кредитные институты, такие, например, как Банк реконструкции и развития или немецкий “KfW” (Kreditanstalt für Wiederaufbau – Кредитное учреждение для возрождения). Как известно, этот институт стал неотъемлемым элементом “плана Маршалла”, о котором в Украине так много говорят, но мало делают для создания институтов развития в нашей стране.

Экономическая динамика представляет собой совокупность факторов, воздействующих на нее. Как показывает успешный опыт стран догоняющей модернизации (а их примерно 50), все они сосредоточивали внимание на модернизации производства и инвестировании в науку и образование. К сожалению, у нас наблюдается рассогласование политики экономического роста с кредитно-финансовой, которая тоже должна быть подчинена задаче ускорения хозяйственного процесса, а не только валютно-денежной и бюджетной сбалансированности.

Общеизвестно, что снижение государственных вливаний в общенациональные инфраструктурные проекты всегда влечет за собой снижение экономической активности, что, в свою очередь, приводит к сокращению доходов бюджета и государственных расходов. Политика экономического роста невозможна без увеличения бюджетных расходов на долгосрочное инвестиционное развитие. Сегодня о частных инвестициях можно говорить как о форме государственно-частного партнерства. Государство вместе с бизнесом должно участвовать в инфраструктурных проектах.

Таким образом, нужна принципиально иная бюджетная политика. Например, в Украине существует жесткое правило, согласно которому нельзя увеличивать дефицит бюджета. Но, как известно, это один из наиболее быстрых и эффективных методов изыскания дополнительных ресурсов, используемых многими странами для финансирования инновационных государственных программ. На примере стран – членов ЕС можно наблюдать, как сложно дается соблюдение так называемого “маастрихтского бюджетного критерия”, в соответствии с которым бюджетный дефицит не должен превышать 3% ВВП. Даже страны “Старой Европы” не придерживаются этого правила, поскольку за счет средств, идущих на покрытие бюджетного дефицита, финансируются все инновационные общенациональные проекты.

Сложившаяся в стране финансовая политика ориентирована на фискальные цели, а не на стимулирование экономического роста. Во многом это обусловлено доминирующим положением Минфина в формировании экономической политики страны. У нас, в отличие от большинства других государств, это министерство не только само разрабатывает бюджет, но и контролирует его выполнение, тогда как, например, в Казахстане [5], который демонстрирует высокие темпы экономического развития (в 2000–2013 гг. – 6–10% прироста ВВП), составление бюджета – функция Министерства экономики и бюджетного планирования*.

---

* К сожалению, Министерство экономического развития и торговли Украины не только не разрабатывает стратегию экономического роста, но и не понимает своей роли в системе государственного управления, поскольку в качестве главной задачи рассматривает свою собственную ликвидацию.

Нацелена не на стимулирование экономического роста, а только на выполнение фискальной функции и налоговая система. Она не поощряет наращивать инвестиции за счет прибыли предприятий, снижать налоги на малый и средний бизнес, который, как известно, создается и развивается за счет собственных средств предпринимателя. Согласно мировой статистике, две трети предприятий малого бизнеса закрываются, поэтому во многих странах они на первых порах не платят налоги.

Как показывает опыт развития налоговых систем в передовых странах, примерно половину налогов государство получает с населения в виде прогрессивного налога, одновременно предоставляя многочисленные льготы на те виды затрат, которые оно хочет поощрять. У нас же подавляющая часть налогов (85–90%) приходится на бизнес и только 10–15% на население. От непомерно высоких налогов особенно страдают производители товаров с высокой добавленной стоимостью. Чем выше в произведенном продукте доля добавленной стоимости, тем больше налоговые отчисления и обязательные страховые взносы. Все это тормозит развитие предпринимательства в Украине. Таким образом, вполне понятно стремление национального бизнеса вывести активы за рубеж, освободиться от высоких налогов и сборов, превратиться в оффшорного бенефициара на украинской территории. В литературе неоднократно критиковалась существующая система налогообложения населения, по которой ставка налога одинакова для бедных и богатых. Она удобна в использовании фискальными органами, но ею перекладывается на бедные слои населения основная тяжесть налоговой нагрузки.

Распространение бедности на новые слои населения, имеющие фиксированные доходы, — еще один серьезный вызов сложившейся политико-экономической модели. В связи со значительным ростом тарифов появились так называемые “*новые бедные*”. Это те слои общества, на которые приходится основная часть долговой нагрузки из-за роста тарифов на коммунальные услуги и которые получают доходы меньше 40% от средней зарплаты. Иначе говоря, не выполняются требования Международной организации труда (МОТ) по размеру минимальной оплаты труда и пенсии, который должен быть не ниже 40% от средней зарплаты. Нынешний минимальный размер зарплаты и пенсии составляет около 30% по отношению к средней зарплате, что не соответствует требованиям МОТ. Таким образом, необходимо принципиально изменить финансовую и налоговую системы в направлении решения задач экономического роста и соблюдения социальной справедливости.

Преодоление существующих ограничений социально-экономического развития возможно только в условиях устойчивых темпов экономического роста, формирующих предпосылки для увеличения инвестиционных ресурсов, повышения доходов всех хозяйствующих субъектов и населения. Для обеспечения возрастающих темпов экономического развития нужно как можно быстрее существенно повысить норму накопления. Средний темп ее прироста должен составлять не менее 3% на ближайшие 5 лет.

Как уже отмечалось, в коренной технологической модернизации в первую очередь нуждается энерго- и теплоснабжение страны. Следовательно, необходимо разработать национальную программу снижения затрат на обеспечение теплом и электроэнергией. Аналогичные программы должны охватывать все виды транспортной инфраструктуры. Реализация намеченных проектов нуждается в тщательной подготовительной работе в течение минимум 2–3 лет. Поэтому и темпы прироста инвестиций должны нарастать постепенно и достичь максимума к 2020 г. Поскольку срок окупаемости инвестиций на технологическое обновление

составляет примерно 5–7 лет, отдача от них в форме ускорения темпов социально-экономического развития начнет проявляться уже через 5 лет.

Что касается масштабных структурных изменений и развития новых производственных отраслей, то есть обеспечения расширенного воспроизводства за счет новых видов производства, то для этого потребуются значительные инвестиции, срок окупаемости которых объективно несколько длиннее (до 8–10 лет), чем при технологическом обновлении действующего производства. Такого рода проекты кроме крупных дополнительных инвестиций требуют запуска механизмов проектного финансирования. Для поиска таких дополнительных денежных вливаний с длительным сроком окупаемости необходимы специальные программы, которые бы предполагали создание национальных и международных институтов проектного финансирования.

В заключение следует отметить, что переход к новой политико-экономической модели национального развития не имеет альтернативы. Этого требует непрерывно ухудшающаяся социально-экономическая ситуация в стране. Следовательно, нужны смелые и решительные действия по изменению негативной экономической динамики и переходу к новой модели экономического развития.

Список использованной литературы

1. Нигматуллин Р.И. Украина: ціна незалежності // Свободная мысль. – 2014. – № 2. – С. 59–82.
2. Роджер А. Риски, сценарии и прогнозы развития украинской экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://polemika.com.ua/article – 148994.html](http://polemika.com.ua/article-148994.html).
3. Мэнкью Г. Макроэкономика. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 736 с.
4. Самаева Ю. Реалии АПК: в тупике сырьевого проклятия // Зеркало недели. – 2015. – № 14. – 18 апреля.
5. Кузьмина Е. Социально-экономическая динамика постсоветского Казахстана // Российский экономический журнал. – 2013. – № 5. – С. 79–84.

References

1. Nigmatullin R.I. *Ukraine: tsina nezalezhnosti* [Ukraine: cost of independence]. *Svobod. Mysl' – Free Thought*, 2014, No. 2, pp. 59–82 [in Russian].
2. Roger A. *Riski, stsenarii i prognozy razvitiya ukrainskoi ekonomiki* [Risks, scenarios, and forecasts of the development of Ukraine's economy], available at: [http://polemika.com.ua/article – 148994.html](http://polemika.com.ua/article-148994.html) [in Russian].
3. Mankiw N.G. *Makroekonomika* [Macroeconomics]. Moscow, MGU, 1994 [in Russian].
4. Samaeva Yu. *Realii APK: v tupike syr'evogo proklyatiya* [Realities of AIC: in the dead end of raw materials' damnation], *Zerkalo Nedeli – Week's Mirror*, 2015, No. 14, April 18 [in Russian].
5. Kuz'mina E. *Sotsial'no-ekonomicheskaya dinamika postsovetskogo Kazakhstana* [The socio-economic dynamics of post-Soviet Kazakhstan]. *Ross. Ekon. Zh. – Russian Econ. J.*, 2013, No. 5, pp. 79–84 [in Russian].